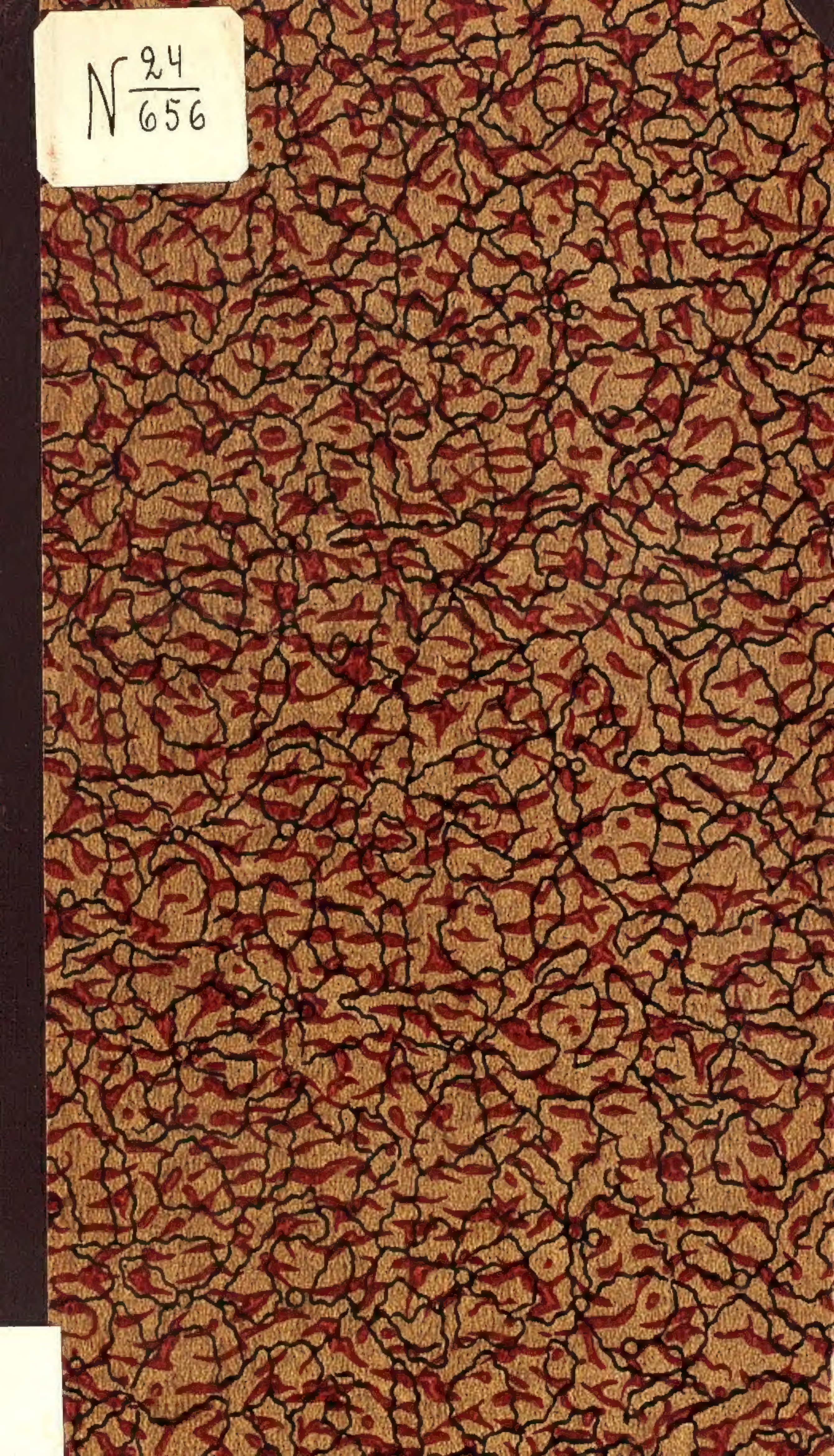

N 24/656

2007044078

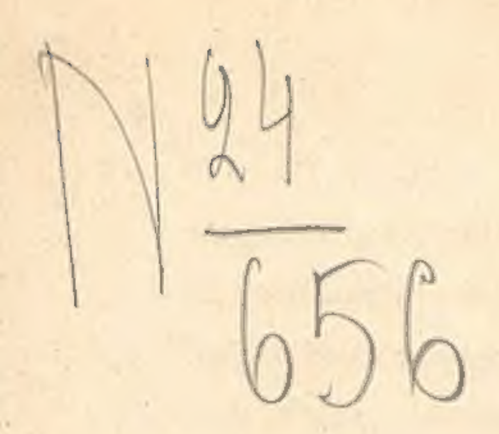
МАНИФЕСТЪ

19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА.

Изъ Журнала «Вѣкъ» 1861 г.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, марта 15 дня 1861 года.
Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи В. Безобразова и Комп.

С. Петербургъ, 7 Марта 1861 г.

Съ Манифестомъ 19 февраля 1861 г. Россія вступила въ новый періодъ своей государственной и гражданской жизни! Если справедлива мысль, что внѣшніе, вещественные рубежи историческихъ періодовъ имѣютъ значеніе лишь условное, для облегченія человѣческому уму возможности помнить и обнять прошедшее, что эти рубежи не соотвѣтствуютъ внутреннему смыслу и содержанію историческаго развитія, которое творитъ свои эпохи постепенно, медленно и неуклонно, не взирая ни на какіе внѣшніе признаки,—то, во всякомъ случаѣ, въ исторіи собственно гражданской и государственной жизни великіе памятники законодательства могутъ служить настоящими раздѣльными пунктами или урочищами періодовъ. Вслѣдствіе того преобладающаго вліянія, которое имѣютъ положительные законы каждой страны на гражданскія и государственныя отношенія народа, великія законодательныя урочища могутъ и создавать новыя

*

эпохи въ исторіи этихъ отношеній; за тѣмъ, по опыту вѣковъ, акты законодательства, самые могущественные по своему вліянію на народную жизнь суть именно тѣ, которые *отмѣняютъ*, уничтожаютъ или отрицаютъ законодательныя преграды, наложенныя исторіею на свободное развитіе народовъ. Всѣ эти свойства и признаки вполнѣ принадлежатъ законоположеніямъ, сопровождающимъ Всемилостивѣйшій Манифестъ 19 февраля 1861 г. На долю Императора Александра II выпалъ счастливый жребій поставить великое урочище въ исторіи судебъ нашего отечества!

Безъ всякаго сомнѣнія, люди, стоящіе на самомъ рубежѣ, всего менѣе способны его измѣрить, оцѣнить весь его историческій смыслъ и значеніе; но каждый изъ нихъ обязанъ бросить свою горсть праха къ подножію воздвигаемаго памятника. Однако въ эту горсть праха можетъ быть вложена человѣческая мысль, и тогда значеніе ея дѣлается великимъ. Дань признательности современниковъ можетъ быть не безсмысленнымъ взрывомъ восторга, не раболѣпнымъ лепетомъ слѣпаго восхищенія, а плодомъ сознательнаго духа, тою новою силою, которая расширяетъ въ народѣ сознаніе новыхъ началъ грядущаго періода и очищаетъ имъ путь. Смыслъ же нашего государственнаго событія такъ ясенъ, что если мы не можемъ измѣрить и опре-

дѣлить всѣхъ его историческихъ послѣдствій, то мы, конечно, можемъ уразумѣть значеніе новыхъ понятій, вносимыхъ событіемъ въ нашу гражданственность, и никакъ не можемъ сравнить себя въ этомъ отношеніи съ нашими предками, надъ головами которыхъ издавались указы Годунова и Шуйскаго о прикрѣпленіи крестьянъ. Не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію, что вслѣдствіе успѣховъ народнаго самопознанія, мы гораздо лучше можемъ обнять нашимъ сознаніемъ подвиги Александра II, чѣмъ подданные Годунова и Шуйскаго—подвиги своихъ монарховъ.

Высочайше утвержденными положеніями 19 февраля 1861 г. отмѣняется въ Россіи навсегда крѣпостное состояніе! Въ этихъ трехъ строкахъ первой статьи Общаго Положенія заключается громадный государственный фактъ; фактъ далеко оставляющій за собою все остальное, воздвигаемое новымъ закономъ. Чтобы вполнѣ уразумѣть великость этого факта, нужно только вникнуть въ смыслъ гражданскихъ правъ для всякаго народа. Распространеніе, посредствомъ упраздненія крѣпостнаго состоянія, гражданской полноправности на цѣлую треть всего народонаселенія государства, стоявшую за предѣлами гражданской жизни народа, есть еще самая маловажная сторона этой мѣры. Ея значеніе не потому только велико, что до нея

5 десятковъ милліоновъ были гражданами государства, а послѣ нея будетъ 7 десятковъ милліоновъ гражданъ. Не числительность членовъ государства опредѣляетъ его характеръ и его всемірно-историческую задачу, а качества государственныхъ стихій, свойства гражданскихъ отношеній между членами государства. Дѣло въ томъ, что гражданское право есть первая необходимая основа, на которой могутъ прочно существовать какія бы то ни было блага государственной жизни, это—первое обезпеченіе свободы человѣческой личности, вносимое государствомъ въ человѣческое общежитіе и открывающее путь ко всѣмъ дальнѣйшимъ государственнымъ обезпеченіямъ. А до тѣхъ поръ, пока существуетъ въ государствѣ крѣпостное право, хотя бъ тому праву было подчинено не 20 мил. подданныхъ, а только 20 десятковъ, дотѣхъ поръ, пока есть въ обществѣ сколько-нибудь людей, подчиненныхъ въ своей гражданской личности произволу другихъ людей, до тѣхъ поръ, пока есть освященная закономъ возможность такого кореннаго нарушенія самыхъ основныхъ правъ человѣческой личности,—до тѣхъ поръ настоящаго гражданскаго права и гражданскаго общества нѣтъ въ государствѣ, до тѣхъ поръ нѣтъ гражданской личности и у самихъ тѣхъ людей, въ которыхъ развитіе свободы человѣческаго духа основано прежде всего на не-

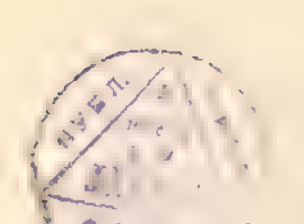
признаніи гражданской личности другихъ, себѣ подобныхъ. Самыя блестящія государственныя построенія разлетаются во прахъ пока подъ ними, гдѣ-нибудь, хотя бы въ самыхъ темныхъ подземельяхъ таится какая-нибудь капля крѣпостнаго состоянія,—этой язвы общественныхъ организмовъ, оставшейся отъ болѣзненныхъ процессовъ и переломовъ минувшей исторической жизни. Современныя событія одной изъ величайшихъ и горделивѣйшихъ республикъ міра служатъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ этой истины, еслибъ могло быть малѣйшее въ ней сомнѣніе: южные граждане рабовладѣльцы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не могутъ ужиться вмѣстѣ съ сѣверными гражданами, за плечами которыхъ чисто поле гражданской свободы, и никакія политическія сочетанія и ухищренія, никакія свободолюбивыя учрежденія не могутъ помочь этимъ двумъ разрядамъ людей жить вмѣстѣ подъ крышею одного государства. Истинное гражданское уложеніе государства не вмѣщаетъ въ себѣ главъ, хотя бы и въ видѣ примѣчаній и изъятій,—главъ, отрицающихъ весь здравый смыслъ началъ, на которыхъ основаны первыя его главы; иначе это не гражданскій кодексъ, не книга законовъ,—а призракъ. Безъ всякаго сомнѣнія, дѣло уничтоженія крѣпостной зависимости пріобрѣтаетъ для государства еще большую громадность, когда ей была подчинена

цѣлая треть народонаселенія и когда большинство ея образованнаго класса было заражено этою язвою. Тогда водвореніе гражданскаго права въ такомъ государствѣ дѣлается событіемъ великимъ уже для всего человѣчества. Каковы самыя опредѣленія этого гражданскаго права, распространяемыя на всѣхъ подданныхъ, каковъ самъ гражданскій законъ, — это уже вопросъ второстепенный; для насъ важно пока то, что создана и подослана подо все общество та гражданская почва, на которой каждый можетъ стоять крѣпко, обѣими ногами, и которую всячески можно усовершенствовать, когда она разъ уже есть, — легче усовершенствовать, нежели когда ее вовсе нѣтъ.

Новый законодательный актъ не могъ, однако, ограничиться простымъ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ отъ господъ. Узелъ этой зависимости глубоко вросъ въ поземельную собственность, около которой исторически завязались отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ; разрѣзать этотъ узелъ, скрытый подъ землею, разлучить помѣщиковъ съ крестьянами не сказавъ ничего о землѣ, на которой вѣка врѣзали глубокія борозды сохи крестьянской и барщинной, въ которую вѣка внѣдрили самыя неизгладимыя воспоминанія этой печальной драмы гражданскихъ отношеній, — такое дѣло затронуло бы за живое самыя болѣзненныя

струны всего земледѣльческаго быта, привело бы своею крайностью въ броженіе самыя основныя понятія сложившейся жизни, и подвергнуло бы опасности самую почву, которая должна была бы вынести столь крутое потрясеніе. Изложенный нами взглядъ на развязку отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и внесъ въ законоположеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, начало надѣла крестьянъ усадьбами и землею за повинности въ пользу помѣщика, начало, выраженное въ 3 статьѣ Общаго Положенія и, на ряду съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, проникающее собою всю систему новаго законодательства.

Наконецъ — русскій крестьянинъ исторически тяготѣетъ, всѣми своими инстинктами, къ типу земледѣльца-собственника и всѣ интересы дворянства склоняютъ его имѣть подлѣ себя такаго сосѣда-земледѣльца, и уступить ему часть своихъ земель. Этой настоятельной политической и экономической потребности нашего общества и призваны удовлетворить 11, 12 и 14 статьи Общаго Положенія, послужившія основаніемъ особаго Положенія о выкупѣ. «Крестьянамъ предоставляется право выкупать въ собственность усадебную ихъ осѣдлость посредствомъ взноса опредѣленной выкупной суммы» и «Дабы облегчить крестьянамъ пріобрѣтеніе въ собственность отведенныхъ имъ въ постоянное

пользованіе земель, въ случаѣ добровольнаго на то соглашенія между помѣщикомъ и крестьянами, или въ случаѣ требованія самаго помѣщика, правительство оказываетъ пособіе, въ томъ размѣрѣ и тѣмъ порядкомъ, какіе опредѣлены въ особомъ Положеніи о выкупѣ крестьянами усадебной осѣдлости и о содѣйствіи правительства къ пріобрѣтенію ими въ собственность полевыхъ угодій.» Съ пріобрѣтеніемъ крестьянами въ собственность ихъ земельнаго надѣла прекращаются всѣ обязательныя поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами. Обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, возникающія изъ земельнаго надѣла, не могли быть признаны окончательною развязкою вопроса о землѣ, на которой водворены крестьяне, и правительство, открывая, съ одной стороны, широкія двери добровольнымъ соглашеніямъ между крестьянами и помѣщиками относительно земли, и съ другой стороны, предлагая свое содѣйствіе выкупной сдѣлкѣ,—облегчило путь къ переходу временно-обязанныхъ крестьянъ въ крестьянъ-собственниковъ, т. е., переходу соотвѣтствующему самымъ насущнымъ историческимъ и экономическимъ нашимъ потребностямъ, и интересамъ всѣхъ сословій. Эта идея—является послѣднимъ и окончательнымъ звѣномъ, къ которому примыкаютъ и сосредоточиваются всѣ отдѣльныя части новаго законоположенія. Ею по-

лагается зародышъ великой стихіи въ судьбахъ каждаго народа и государства — классу земледѣльцевъ-собственниковъ. Въ этомъ классѣ представляется могущественный оплотъ противъ всякихъ общественныхъ и экономическихъ переворотовъ, и грузъ, умѣряющій стремительность хода всякой государственной машины!

Таковы великія пріобрѣтенія нашего отечества съ изданіемъ Манифеста 19 февраля; мы старались, въ самомъ краткомъ очеркѣ, указать на основныя начала законодательства, имъ обнародованнаго. Какъ ни важны и ни рѣшительны они должны быть въ исторіи нашей государственной и гражданской жизни, они сдѣлаются для всѣхъ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе осязательными по своимъ неминуемымъ жизненнымъ послѣдствіямъ, нежели по своему внутреннему содержанію и идеѣ. Упомянемъ пока объ одномъ необходимомъ послѣдствіи, ближайшемъ и органически вошедшемъ въ составъ самаго законодательства. Гражданское полноправіе лица уничтожаетъ возможность домашняго надъ нимъ суда, домашней полиціи, домашней администраціи господина земли — упраздняетъ въ законномъ государствѣ вотчинное государство, какимъ доселѣ было каждое помѣщичье имѣніе. Новые граждане подчиняются общему закону, суду и управленію и составляютъ

изъ себя новую единицу государства — сельское общество и волость. «Въ каждомъ сельскомъ обществѣ и въ каждой волости завѣдываніе общественными дѣлами, предоставляется міру и его избраннымъ». Значеніе этого постановленія 17-й статьи Общаго Положенія, важно не для однихъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, а для всѣхъ. Этотъ крестьянскій міръ — будетъ дѣйствительно новою единицею въ государственномъ строѣ нашего общества, тою единицею, какою не могъ быть ни одинъ крестьянскій міръ всѣхъ существующихъ свободныхъ сельскихъ обывателей, ни въ одномъ изъ его разрядовъ, пока бокъ-о-бокъ съ этимъ міромъ существовалъ міръ крѣпостныхъ крестьянъ и пока вокругъ него существовала атмосфера понятій о сельскихъ обывателяхъ несвободныхъ. Отнынѣ возникаетъ въ Россіи классъ свободнаго крестьянскаго народонаселенія, имѣющаго свои права и обязанности въ общемъ кругу государственной жизни; Общее Положеніе заключаетъ въ себѣ особое отдѣленіе о переходѣ въ среду новаго крестьянскаго міра лицъ изъ всѣхъ свободныхъ сословій государства. Отнынѣ падаютъ всѣ перегородки между членами огромнаго большинства нашихъ соотечественниковъ, имѣющихъ одни и тѣже государственные и общественные интересы, одни и тѣже инстинкты жизни, до сихъ

поръ насильственно разъединенные запорами крѣпостнаго права и вотчинной власти. Послѣ этого сдѣлалась очевидною необходимость общихъ государственныхъ преобразованій для всего вообще сельскаго состоянія въ государствѣ, и въ Высочайшемъ Рескриптѣ того же 19 февраля на Имя Великаго Князя Константина Николаевича мы читаемъ: «При утвержденіи предположеній объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ и объ устройствѣ ихъ быта, Я призналъ необходимымъ принять мѣры и къ устройству всего вообще сельскаго состоянія на общихъ и единообразныхъ началахъ». Эти незабвенныя слова прочтены нами съ неменьшею признательностью къ государственной мудрости Императора, чѣмъ и всѣ Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Но не для одного крестьянскаго народонаселенія и не для однихъ сельскихъ обывателей важно образованіе новаго крестьянскаго міра, а для всего русскаго общества, для всего народонаселенія Имперіи. Только съ постепеннымъ исчезновеніемъ въ государствѣ мелкихъ единицъ власти, основанныхъ на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ вся остальная система управленія, возможно сколько нибудь существенное преобразованіе мѣстнаго управленія, согласно потребностямъ

времени, сознаннаго нынѣ и самимъ Правительствомъ. Свободный крестьянскій міръ есть первое, необходимое звѣно провинціальной администраціи, и уже передъ нами воздвигается новый образъ сельской власти—мировой посредникъ, сдѣлавшійся возможнымъ лишь съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости однихъ сельскихъ обывателей отъ другихъ. Міровой посредникъ новая власть въ мѣстномъ управленіи,—новая власть подлѣ крестьянскаго міра, призванная замѣнить исчезающую вотчинную власть, примирить прошедшее съ будущимъ. Пожелаемъ изъ глубины нашей души, чтобы собрались всѣ лучшія силы русскихъ людей къ достойному исполненію обязанностей этой новой и важной власти, поставленной на рубежѣ стараго и новаго порядка нашей государственной жизни!

Мы старались выставить главнѣйшія и ближайшія послѣдствія упраздненія крѣпостнаго права; мы старались показать, какъ плодотворно начало гражданскаго полноправія въ государствѣ, этого насущнаго хлѣба каждаго человѣческаго общества.

Всѣ новыя начала, вносимыя Положеніями о крестьянахъ въ нашъ бытъ, по возможности, пріурочиваются ко всѣмъ сложившимся условіямъ нашего прошедшаго и къ разнообразнымъ мѣстностямъ, входящимъ въ составъ Имперіи,—и примѣняются съ постепенностью, умѣряющею слишкомъ крутые не-

реходы къ новымъ условіямъ быта. Глубоко признательные за великія пріобрѣтенія, связанныя съ Манифестомъ 19 февраля, будемъ терпѣливо ожидать постепеннаго водворенія ихъ въ жизни. Но этого мало, будемъ, всякій по своему, содѣйствовать упроченію дѣла, отъ котораго зависитъ вся наша историческая будущность. И здѣсь, въ торжественную минуту нашего государственнаго обновленія, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье, забудется, кто пришелъ на праздникъ прежде, чѣмъ послышался радостный благовѣстъ, кто въ первый часъ, кто въ девятый, кто совсѣмъ не пришелъ, все забыто, все прощено. Всѣмъ простится, кто увѣруетъ въ Воскресенье; кто бодро встанетъ и пойдетъ къ обновленію!

2007044078